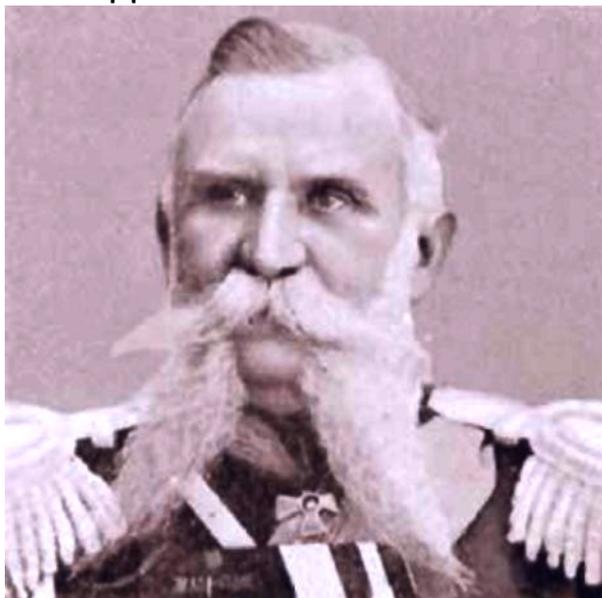

АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ КОСИЧ

ВОСПОМИНАНИЕ о СЕВАСТОПОЛЕ

И СОВРЕМЕННОЕ ЕГО ПОЛОЖЕНИЕ

Если военные доблести одного человека вызывают общие симпатии, то во сколько раз симпатии эти должны быть сильнее по отношению к героической защите такого города, как Севастополь, боровшегося в продолжении 11 месяцев, почти беспримерной в летописях, осады, оцененной Великим Государем, признавшим службу защитников его месяц за год. Севастополь боролся и пал также героически, как Троя, как Сарагоса. Легендарная защита Трои служит предметом изучения, исследований и раскопок до настоящего времени; воспоминание о Трое, облеченные в поэтические образы, поддерживались во все времена, как вдохновляющие примеры героизма. Из уважения к ее памяти Александр Македонский, его полководец Лизимах, Юлий Цезарь оказывали месту, где она существовала, великие милости; этой местности, освященной славными преданиями, римляне даровали особые льготы и преимущества. Признавая нравственные обязательства между людьми, мы видим в чествования Трои признание этики государственной жизни, без чего она немыслима в великом значении этого слова. Как же нам не поддерживать светильник памяти нашей Трои, нашего многострадательного Севастополя! Долг каждого соприкасавшегося с этой великой эпопеей, как бы ни была незначительна личная его роль, сказать свое слово, чтобы даже малейший штрих великой картины не был унесен, бесследно, потоком времени и не погиб в пропасти забвенья. Вот почему решаюсь сообщить несколько личных моих воспоминаний из севастопольской эпохи.

В 1854 г. наша прекрасная, вороная конная батарея, расположенная в небольшом городе Курской губернии и принадлежавшая к составу 2-й драгунской дивизии, получила приказание о походе в составе дунайской, действующей против Турции, армии. Мы выступили в феврале, дружески попрощавшись с обывателями доброй провинции; по всему пути нас радушно встречали и провожали с благословениями и благожеланиями. Несмотря на это, путь наш до Киева был труден. Зима была холодная. Для прохода артиллерии населением были сделаны в снегу по дорогам углубления; мы шли как бы в траншеях, глубоко врезываясь в снег колесами орудий. В марте перешли Днепр в Киеве, в ростепель; подвигаясь далее, встретили весну в поэтической Подолии и Бессарабии с ее степями и бесчисленными аистами.

Перейдя 23-го апреля границу, через Прут, вступили в живописную Молдавию, в г. Яссы и через Бухарест дошли до Дуная к Силистрии, которую осаждали наши войска; здесь мы вошли в состав корпуса графа Сакена. Вскоре нас осмотрел начальник штаба кн. Горчаков; за отсутствием старших, я, в чине прапорщика, представлял батарею на смотре. Оставаясь в составе кавалерии на этой стороне Дуная, конно-артиллерийские офицеры были назначаемы ординарцами в штаб артиллерии действующей армии под Силистрию. Накануне вторично назначенного штурма крепости этой (в диспозиции говорилось, что отмены штурма, как в первый раз, не будет), я получил с вечера соответствующее назначение в одну из штурмующих колонн; до рассвета ожидали сигнала к нападению, но его не последовало; штурм был отменен, причем приказано было снять самую осаду Силистрии отступить через Дунай.

Турки, крайне удивленные и обрадованные неожиданным для них счастьем, нас не преследовали.

Проведя лето в Валахии, 22-го августа, мы перешли обратно границу и вступили в Россию; осенью прибыли в район Одессы: где расположились в окрестных колониях, откуда наезжали в Одессу, иногда, по случаю ненастья, верхом за 70 верст, погружаясь в грязь по грудь лошади. Одесса в то время был город веселый, оживленный и дешевый (порто-франко).

Между тем, в Крыму уже совершилась масса событий: высадка союзников, Альминское сражение, подход неприятеля к Севастополю, затопление кораблей, прибытие к армии: Великих Князей: Николая и Михаила Николаевичей, Инкерманский бой, Евпаторийское дело.

В конце февраля 1855 г. все были поражены как громом кончиною Государя Императора Николая Павловича; мы верили в несокрушимое могущество нашего Государя и не могли себе представить, что будет дальше.

В начале марта нас двинули в Крым через Николаев, Перекоп, на р.Бельбек, под Севастополь, куда мы и прибыли в конце апреля. Севастополь выдержал уже осаду более полугода; потери были велики; нуждались и в артиллерийских офицерах; на пополнение их потребовали и от конной артиллерии; из нашей батареи, по жребию, отправлены были П. Ладыженский и Детлов; других, не попавших в жребий, командировали в Севастополь для временных поручений.

В одну из таких командировок, я встретился с шт.-кап. Мельниковым¹ составившим уже известность своими замечательными минными работами, за что его называли обер-крот; кстати и по сходству с кротом. Мельников лично ознакомил меня со своими подземными контрминами и даже один раз я ночевал у него под гром осадных орудий. Из бивачных воспоминаний о Бельбеке упомяну о визите ко мне, когда я лежал в лихорадке, в лагерной палатке, гр. Л. Н. Толстого, тогда артиллерийского офицера, прикомандированного к нашей батарее с горными орудиями, вероятно на случай действий при защите горных дефилов, в виду возможных высадок союзников в тыл нашей армии. Так, в июне, я с этою целью был командирован с двумя конными орудиями в Альминское ущелье, где простоял целый месяц, в горах, в тени лесов, на берегу поэтической реки, обильной форелями.

В начале июля наша кавалерийская дивизия* была отправлена к Евпатории, также для отражения могущих быть высадок союзников на наши сообщения с Россией; но вскоре мы были возвращены назад, для участия в предстоящей нам общей атаки неприятеля на р. Черной.

В конце июля 4 конных орудия нашей конной батареи были прикомандированы к Киевскому гусарскому полку, для составления левофлангового отряда, назначенного охранять нашу армию, во время боя при Черной, со стороны Байдарской долины. Накануне, 4-го августа, во время похода для занятия позиции нашу кавалерийскую колонну встретил ген. Рead², к корпусу которого мы были прикомандированы; издали еще мы услышали его голос; он кого-то громко распекал и был, кажется, не в духе; это было перед вечером; с левой стороны мы увидели серп молодой луны, что и приняли за дурной знак. С рассветом 4-го августа, киевские гусары перешли через перевал, по горным тропинкам, и спустились в Байдарскую долину; я отправился с ними, чтобы произвести рекогносцировку на случай возможности перевезти за ними наши конные орудия. Вступив в живописную Байдарскую долину, мы имели перестрелку с французами, оттеснили их передовые посты, взяли несколько человек в плен. И затем увидели: перед собою большую кавалерийскую линию французской дивизии генерала д'Алонвиля, которая, очевидно, выжидала исхода сражения. Мы страстно прислушивались к выстрелам справа, которые, разгораясь, скоро достигли высшего напряжения; затем все понемногу смолкло. Тяжелое предчувствие говорило нам почему-то, что сражение окончилось для нас неудачно; к вечеру мы получили приказание отступить. Так кончился несчастный для нас бой на Чёрной, где был убит и генерал Рead. Вскоре наступили последние, черные, дни и для Севастополя, они всем хорошо известны. Правда, мы оставили неприятелю одни окровавленные развалины, но тем не менее всем было невыразимо тяжело. При этом не могу не упомянуть, как судьба распоряжается событиями и людьми.

Когда мы выходили из Курской губернии, провожавшие нас жители никак не ожидали, что через год их отцы, мужья и братья, в качестве ополченцев, попадут на сева­сто­польские бастионы и будут защищать их в кровавых сечах, даже «в топоры», тогда как многие из провожаемых почти не участвовали в боях. После посещения крымской армии нашим молодым Государем Александром Николаевичем, на зиму, значительная часть кавалерии, за недостатком фуража, выведена была из Крыма. По пути не доходя Перекопа, мы начали встречать гренадерские полки, которые шли на усиление Крымской армии. Совершив длинный путь, гренадеры подверглись повальному тифу; татарские аулы были завалены ими. Нам рекомендовали осторожность, чтобы не заразиться эпидемией, по как это было исполнить, когда мы проводили с тифозными ночи в саклях без окон и сараях без крыши и дверей; между тем стояла зимняя стужа: лошади располагались на коновязях. Можно представить, в каком положении были в то время татарские аулы по трактам, через которые два года двигались войска, больные, раненые, транспорты продовольственные, артиллерийские и проч.; разорение полное: жители разбежались. В марте 1856 г. был заключен Парижский мир.

Севастополь долго лежал в развалинах. Еще в 1876 г. живший в Севастополе командир 7-го корпуса г.-а. О.Б.Р., приглашая к себе, шутя, говорил: наш дом, всего 2-й от пристани; в действительности, дом отстоял от пристани 1.5 версты, остальные же были в полном разрушении.

Спустя некоторое время начались усиленные заботы о возрождении Севастополя; он начал отстраиваться; в нем загорелась жизнь, но скоро торговое значение его, с упразднением коммерческого порта и переводом его в Феодосию, пошатнулось, что видно из следующих цифр.

Годы	Вывезено (пудов)	Привезено (пудов)
1885	6.044,367	7.443,430
1886	10.361,365	8.038,915
1887	13.555,209	6.038.915

1888	25.821,228	5.196,564
1889	22.780,404	4.740,266
1890	11.840,478	1.208,840
1891	12.899,631	1.502,153
1892	7.820,683	2.577,971
1893	21.261,000	518,000
1894	22.266,990	989,019
1895	12.081,174	1.189,929
1896	6.648,393	698,548

Нам вполне неизвестно, насколько эта мера подняла Феодосию и дело русской торговли, но положение Севастополя, после стольких испытаний очевидно и в настоящее время ненормально; он как будто снова переживает борьбу за существование, выдерживает новую осаду и если не будет еще соединен железною дорогою с Ялтой непосредственно, то ему будет нанесен, новый тяжелый удар. Это тем более важно, что мы до сих пор не совершили того, к чему давно стремились, не решили еще известной исторической задачи, чтобы никто не нападал так легко не только на Севастополь, но и на все наше Черноморское побережье. Относительно Севастополя мы не должны забывать, что это - колыбель наших доблестных моряков, которые, увековечив свою севастопольскую славу, сохраняют везде свои драгоценный военные и гражданские качества, оставаясь надежной опорой не только военного флота, но и нашего торгового мореплавания, независимо того, что Севастополь - одна из лучших мировых гаваней, а по климатическим условиям представляет хороший курорт.

Мне неизвестно также, что сделало испанское правительство для Сарагосы, но мы видали, как во все времена смотрели на героическую Троию.

По этому, в виду близкого 50-ти-летнего юбилея обороны Севастополя, мы должны сделать все в память пережитого великого момента в жизни русского народа и в назидание будущих поколений, почтить в лице, героев войны и русских граждан, вынесших на своих плечах честь русского имени, которое получило тогда кровавое крещение в той местности, откуда пришло христианское крещение всей Руси.

* При нас состояла все время походов Уральская рота
Январь, 1903 г.

Примечания

1. На четвертом бастионе подземно-минной войной руководил штабс-капитан А. В. Мельников, командир 2-й роты 4-го саперного батальона, прозванный "обер-кротом" Севастополя. Он пришел на бастион 10 декабря и пробыл в минах безвыходно и бессменно до 15 мая 1855 года. Контуженного и тяжелообольного А. В. Мельникова сменил поручик, а затем штабс-капитан П. В. Преснухин, руководивший подземными работами до окончания обороны. До конца своих дней А. В. Мельников, ставший генералом, носил на указательном пальце правой руки золотой перстень, изображающий четвертый бастион, украшенный по краям бриллиантами и изумрудом в центре. Мельников скрывал происхождение перстня, но все окружающие говорили, что перстень был подарен ему французскими саперами, приславшими его из Парижа, как непобедимому "обер-кроту".

2. Ред, Николай Андреевич – генерал от кавалерии (1792 – 1855); участвовал почти во всех главных сражениях 1812 – 14 годов, а во время польской войны 1831 г. – в бою под Прагой. В 1854 г. он временно управлял Кавказским краем (до прибытия генерал-адъютанта Муравьева), после чего командовал 3-м пехотным корпусом в Крыму. Убит в сражении на реке Черной 4 августа 1855 г.